

10. Гимбут В. Реализация задач национально-просветительной политики среди национальных меньшинств в 1920-е годы // Гісторыя: праблемы выкладання. 2002. № 2. С. 39–46.

Зайцева И. П.

*УО "Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова", Витебск, Беларусь*

УДК 811.161.1'27'28:821.161.1-31

ЭСТЕТИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПОВЕСТИ

В.А. ТИТОВА "ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО"

***Аннотация.** В статье анализируется обращение одного из известных луганских прозаиков – В.А. Титова к языковым средствам, функционирующим в такой нелитературной форме существования общенародного русского языка как суржик, широко распространённой на территории Луганского края. Представляя собой форму особую социального полужычия, суржик потенциально обладает существенной экспрессией, которая может быть актуализирована автором при искусном введении элементов суржика в словесно-художественное произведение при том условии, что писатель руководствуется принципом эстетической мотивированности.*

***Ключевые слова:** близкородственные лингвокультуры, нелитературные формы существования языка, суржик, язык художественной литературы, персонажная речь, внутренняя речь, экспрессивная функция.*

Луганщина – часть Донбасса, которая в период вхождения в состав Украины имела самую протяжённую границу с Российской Федерацией, – по-прежнему представляет собой регион, где взаимодействуют, переплетаются и т. п. две ветви восточнославянской культуры, находящие наиболее полное и своеобразное выражение в соответствующих лингвокультурах. Это русская и украинская лингвокультуры, если квалифицировать их с позиций современности; или великоросская и малоросская, если пользоваться традиционной терминологией XIX века. Взаимодействие означенных лингвокультур находит выражение

прежде всего в нелитературных формах существования общенародного русского языка: просторечие, территориальные диалекты, профессиональные жаргоны, используемые представителями распространённых в регионе профессий, и т. п.

Для человека, который не только ценит и бережёт родную культуру, но и открыт при этом для восприятия иных национально-культурных пластов, в особенности соседствующих с его родной лингвокультурой, подобные ситуации характеризуются довольно существенными преимуществами. Именно на фоне другой культуры (культур) нередко более глубоко осознаётся и культура, в которой человек формировался с рождения: в ней открываются скрытые ранее грани, до этого практически не замечаемые; возникают новые ассоциации, с помощью которых многие явления родной культуры предстают в сознании в более "панорамном" осмыслении, а часто – и в более масштабном, и т. п.

Если воспользоваться схемой структурирования общенародного языка, предложенной Н.Б. Мечковской [1, с. 30], наложив её на языковой ландшафт Луганщины, то, во-первых, можно убедиться, что в нём представлены все выделяемые исследовательницей нелитературные формы существования языка: сохраняющиеся (хотя и в значительно усечённом виде) территориальные диалекты: русского языка (*южно-русское* и *слобожанское* наречия) и языка украинского (*юго-восточное* наречие); просторечие; профессиональное просторечие (в первую очередь присутствующее в речи шахтёров); молодёжный сленг; просторечие:

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК	Литературный (академический) язык	Конформизированный литературный язык	Официально- деловые стили	Научно- технические стили	ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
			Язык радио, телевидения, газет		
			Устная публичная речь		
			РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ		
	Низкая формы выходя речь				
		Просторечие	Молодежное арго, сленг		
Нелитературные формы существования языка					
	Территориальные диалекты	Профессиональное просторечие, социальные арг.			

При этом просторечие существует на территории Луганской Народной Республики (как и во многих регионах Украины, для которых очевиден реальный русско-украинский билингвизм) преимущественно в виде суржика – "разновидности языка, представляющей собой смесь русского и украинского языков, используемой в условиях контактиро-

вания этих языков", нередко трактуемой и как "особая форму социального полужычия" [3, с. 222]. Традиционно считается, что эта разновидность языка характерна для людей с низким культурным уровнем и / или с низкой языковой компетенцией как в области украинского, так и русского языка. Отчасти с этим утверждением, безусловно, можно согласиться; однако при этом необходимо принять во внимание несколько факторов.

Во-первых, по нормативно-кодифицированной логике, которая отражена и в приведённой выше схеме устройства общенародного языка, литературный язык должен находиться над нелитературными коммуникативно-речевыми формами общения, в определённой степени "подчиняя" их себе и занимая приоритетное место в коммуникации в принципе. Однако было бы чрезвычайно ошибочным, более того – крайне небезопасным для гармоничного и полноценного развития любого языка воспринимать отношения между литературным языком как ядром языка общенародного и сосуществующими с ним нелитературными формами как антагонистические, и тем более – осуществлять, исходя из этого, языковую политику.

Как известно, носители преимущественно литературного языка и носители в основном нелитературных его форм в речевой коммуникации проявляют себя по-разному. В этой связи представляется уместным привести мнение А.М. Пешковского, который, сравнивая речь с другими привычными процессами нашего организма – например, с ходьбой либо дыханием – отмечал, что "говорение" интеллигента будет отличаться от говорения крестьянина так же, как ходьба по канату от естественной ходьбы или как дыхание факира от обычного дыхания [2, с. 292–293]. Однако парадокс заключается в том, что именно эта "неестественность" находит выражение в существовании различных нелитературных форм общенародного языка, обусловленных как территориально и социально, так и территориально-социально, и, следовательно, именно сферы бытования этих форм являются для литературного языка постоянной своеобразной "подпиткой".

Во-вторых – что опять таки отражено в приведённой схеме – **все** из входящих в общенародный язык средств, в том числе и функционирующие в его нелитературных формах, могут быть привлечены автором словесно-художественных произведений в художественную речь (язык художественной литературы), однако при условии их *эстетической мотивированности* (принципа соразмерности и сообразности, в соответствии с определением А.С. Пушкина). И с этой точки зрения видится

абсолютно закономерным, что особенности сформировавшегося на Луганщине лингвокультурного пространства, ещё далеко не исследованные, вызывают интерес у представителей словесно-художественного творчества – прозаиков, лириков и драматургов, а также авторов художественно-публицистических произведений.

К талантливым писателям-прозаикам, сформировавшимся в условиях донбасской лингвокультуры и отразившим её своеобразие в своих произведениях, несомненно, принадлежит Владислав Андреевич Титов. Значение творчества этого писателя – уже "с высоты" нескольких прошедших десятилетий со времени выхода его самой известной повести – оценивает Анна Шульгина в монографии "Культура Луганска: 1961–1991" (2022): *"Ворошиловградское отделение Союза писателей Украины было создано в 1965 году, в него вошли 12 поэтов и прозаиков. В литературной жизни города за 30 лет самым значительным событием стало издание повести Владислава Титова "Всем смертям назло". Она была издана на 25 языках мира. Повесть читали не только в странах социализма, но и в Японии, Индии, Канаде"* [5, с. 6].

Повесть "Всем смертям назло" (1967), которая принесла её автору мировую известность *автобиографична*: писатель рассказывает о трагических событиях, произошедших за несколько лет до создания повести именно с ним, во время его работы на одной из шахт тогдашней Луганской области. В это повести представленная в различных формах персонажная речь: *прямая* речь, *речь косвенная*, *несобственно-прямая* (*несобственно-авторская*) *речь* и *речь внутренняя* – занимает в ней весьма существенное место. В качестве выразительно-изобразительных способов характеристики персонажей все эти формы искусно сочетаются автором в повествовании, воплощая при этом и особенности *индивидуально-авторской* манеры. Для характеристики главного героя повести, пережившего трагедию Сергея Петрова, писатель использует, в основном, формы прямой и внутренней речи, что подтверждает приводимый далее фрагмент, где описывается один из самых драматичных эпизодов, когда Сергей принимает решение уйти из жизни (выделено мною. – И. З.):

"В городском парке взвизгнула игривая мелодия и тут же была раздавлена дробным стуком колес. Поезд выскочил на переезд. "Грузовой", – с тупым безразличием отметил Сергей и, сам не осознавая, для чего, начал считать мелькающие мимо него колеса. По его лицу катились слёзы, а он скороговоркой шептал:

– Раз, два, три... – будто от того, правильно или нет будут посчитаны колеса, зависело что-то – очень важное. Под тяжестью вагонов шпалы вдавливались в землю, а рельсы, словно гибкие тростинки, дрожали и гнулись.

"Разрежет сразу. Пригнуться и прыгнуть... только не сильно... головой вперёд... Эх ты, жизнь! За что же ты меня так?.." [4].

Именно в этот момент к Сергею обращается совершенно посторонний человек, прямая речь которого воплощена распространённая в Донбассе нелитературная форма существования общенародного языка – суржик:

"– Сирныки е?"

Сергей вздрогнул и оглянулся. Пожилой мужчина стоял рядом с ним и жестами как у глухонемого, просил спички.

– Зачем они мне? – шевельнул бескровными губами Сергей.

Человек обошёл его сзади, пощупал рукава пальто и повернулся уходить. Сделал несколько шагов в сторону, резко крутнулся на месте, подбежал к Сергею и рванул за плечо.

– Не дури, паря! Туда всегда успеешь! 3 глузду зыхав, чи шо! Сидай в машину.

Спротивляться чужой воле у Сергея не было сил. Ему вдруг стало все безразлично. Какая-то незнакомая доселе пустота души и мысли завладела им. Слегка подталкиваемый в спину водителем такси, он шел к машине и не мог сообразить, где он, зачем, что собирался делать и куда ведет его этот незнакомый человек.

– Как тебя зовут? Где ты живешь? – допытывался шофер, а Сергей смотрел на него пустыми стекляшками глаз и молчал. Чувствовал, как в его мозг остриями вкалываются ледяные иголки, не вызывая ни холода, ни боли, ни страха. На короткие мгновения появлялось желание ответить на вопросы таксиста, но что и как на них отвечать, Сергей не знал.

Водитель включил мотор и дал газ. Машина сорвалась с места и, круто развернувшись, устремилась в город. Куда и сколько они ехали, Сергей не помнил. Когда такси выехало за город, к нему, как обрывок незапомнившегося сна, пришло: вернулась Таня и увидела разбитое окно.

– Куда мы?.. – встрепенулся Сергей.

– Мозги проветрить! – сердито ответил шофер, и с минуту опять ехали молча. Водитель достал папиросу, покрутил её в руке и, скомкав, выбросил в окно. Сергея начинало знобить. Холод зарождался где-то внутри и, медленно расплываясь, заполнял все тело" [4].

Наиболее полно характерные особенности речи незнакомца воплощены в монологе, где рассказывается о постигшей его беде, переходящем затем в диалог с Сергеем:

"— Колы в мене загынув сын... — вдруг тихо заговорил водитель, — я теж... А потим подумав: що ж це робиться? Виталик своих дел не доделав на земле, и я сдаюсь... Говорю собі: Тимохвей, скільки ты друзив потеряв на шляху від Смоленска до Берлину? Богато... А як ты мстив хвашистам за них! Так будь же солдатом до кінця дней своих! Зажми серце, як рану в бою, и вперед... Живи, праціюй... за двоих... Самовбивство це не вихід с положення... А тисля смерти сына жити не можно було... Один вин в мене. Вся радисть и надія... десятый класс кинчав... на мотоцикле с дружком поихав, и... тот калика, а мий... и не дыхнув... — Водитель помолчал, вновь достал папиросу, постукал себя по карманам и, не найдя спичек, скомкал её. — Ну, а как ты живёшь? С кем?

— С женой...

— Она що... покинула тебя?

— Нет... она хорошая...

— Давно... руки-то?..

— В этом году.

— Жинка від постели, навить, не відходила, кормила, поила...

— Откуда вы знаете?

— Морду тобі набыти, и того мало! Откуда знаю... Самого себя жалко стало? Герой... Де дом?

— На Ленинской.

У ворот машина остановилась.

— Сколько я должен? — буркнул Сергей.

— Добряче по шее, если перед женой на коленях прощения не попросишь! — ответил шофёр и потянулся открыть дверку" [4].

Приведённые фрагменты повести В.А. Титова могут быть дополнены значительным корпусом примеров из этого произведения, убедительно свидетельствующим о том, что сочетание разных форм персонажной речи (одной из приоритетных композиционно-речевых форм в художественной прозе) является для писателя одной из характерных индивидуально-стилистических особенностью, в которой наиболее отчётливо воплощено его писательское мировидение. Изучение этой особенности — как в отдельных произведениях, так и в рамках всего творческого дискурса писателя — заслуживает, с нашей точки зрения, безусловного исследовательского внимания.

Список использованных источников

1. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.
2. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Изд-е 3-е, доп. / Под ред. В.А. Звегинцева. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 288–299.
3. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
4. Титов В.А. Всем смертям назло... Ковыль – трава степная: диалогия. Л.: Лениздат, 1980. 400 с. (серия "Человек труда"). URL: http://www.kulichki.com/moshkow/PROZA/TITOW_W/kovyl.txt (дата обращения: 13.04.2023).
5. Шульгина А. Культура Луганска: 1961–1991. Луганск: Автор, 2022. 120 с.

Зуева Е. А.

УО "Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина", Брест, Беларусь
e-mail: katarzyna.zujewa@mail.ru

УДК 811.161.1

НАБЛЮДЕНИЕ НАД СИНОНИМИЕЙ УНИВЕРБОВ В СЛАВЯНСКИХ РУССКОМ, СЕРБСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

***Аннотация.** Данная статья посвящена наблюдению над синонимией суффиксальных универбов в трех славянских языках: восточнославянском – русском, южнославянском – сербском и западнославянском – польском в сопоставительном аспекте. Подчеркивается, что процесс универбации развит в славянских языках и действует в русском, сербском и польском языках, инвентарь универбаторов, при помощи которых образуются суффиксальные универбы может как совпадать, так и отличаться в трех языках, встречаются универбаторы, характерные только для одного из славянских языков. Обращается внимание на черты сходства и различия в синонимии суффиксальных универбов, а также наличие и отсутствие суффиксальных универбов в одном или двух сопоставляемых языках, что свидетельствует о специ-*